
М. Ф. ЛАНОВСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ СПОРТА И ФИЛОСОФСКОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ XX И ПЕРСПЕКТИВЫ XXI ВЕКА

В данной статье рассматриваются формирование философии спорта в разных странах и возможная связь этой дисциплины с философской антропологией. В плане краткого аналитического обзора освещены работы зарубежных и отечественных исследователей, выделены концептуальные основания этих работ по проблемам философии спорта. Показано разнообразие проблем и методологических подходов, а также философских идей, имеющих антропологическое значение. В частности, внимание уделено идеям Г. Ленка и В. В. Кузнецова. Так, советский спортсмен и ученый В. В. Кузнецов предложил новую научную дисциплину, основанную на комплексном изучении возможностей «человека спорта». Философия спорта акцентирует свое внимание на таких феноменах, как соперничество, насилие, самосовершенствование, социальная символизация, тело и осмысленное движение. В домене спорта они особым образом раскрывают человеческое существо и в то же время становятся самостоятельными проблемами философско-антропологического знания. В последнее десятилетие философия спорта сталкивается с проблемами вмешательства биотехнологий и дегуманизации спорта, которые находят отражение и в философско-антропологическом дискурсе.

Ключевые слова: философия спорта, философская антропология, науки о человеке, гуманизм, олимпизм, соперничество, тело, технологии «улучшения человека», спорт.

The article deals with the development of the philosophy of sport in various countries and the possible relationship between this discipline and philosophical anthropology. In the context of a brief analytical review the works of foreign and domestic researchers are highlighted, the conceptual foundations of these works on the problems of the philosophy of sport are identified. The diversity of problems and methodological approaches as well as of philosophical ideas with anthropological significance is shown. In particular, spe-

cial attention is paid to the ideas of H. Lenk and V. V. Kuznetsov. Thus, the Soviet athlete and scientist V. V. Kuznetsov suggested a new scientific discipline based on a comprehensive study of the capabilities of the 'man of sport'. The philosophy of sport focuses on such phenomena as competition, violence, self-improvement, social symbolization, the body and meaningful movement. In the domain of sport they reveal in a special way the human being and at the same time become independent problems of philosophical-anthropological knowledge. In the last decade, the philosophy of sport has been confronted with the problems of the intervention of biotechnology and dehumanization of sport, which are also reflected in the philosophical-anthropological discourse.

Keywords: *philosophy of sport, philosophical anthropology, human sciences, humanism, olympism, contest, body, sport, human enhancement technologies, sport.*

В предлагаемой читателю статье речь пойдет о философии спорта – ее возникновении, связи с другими науками, изучающими человека, теоретико-методологической рефлексии относительно собственного предмета и перспективных направлениях анализа целого ряда феноменов, связанных с телесными практиками и соперничеством и, по существу, представляющих несомненный интерес для философской антропологии. Собственно говоря, связь философии спорта и философской антропологии и является той проблемой, которая заслуживает особого внимания.

На наш взгляд, формирование философии спорта следует рассматривать в рамках формирования целостного подхода к изучению человека, ставшего столь актуальным с 60-х гг. XX в. С начала XX в. субъект спортивной деятельности шаг за шагом становился объектом изучения конкретных наук: физиологии, медицины, биомеханики, педагогики, психологии, социологии. Но поскольку как компонентный состав, так и общественный результат спортивной деятельности по своей сложности выходят за рамки познавательного потенциала отдельных наук, все очевиднее становится необходимость интеграции как между естественными науками, так и последних с науками общественными. Выработка методологии и категориального каркаса такой интеграции есть собственное дело философии.

О необходимости установления междисциплинарных связей еще полвека назад говорил выдающийся советский психолог Б. Г. Ананьев: «Во второй половине XX в. значительно изменяются взаимо-

связи между разными науками, изучающими человека как организм и личность, явление природы и истории, предмет воспитания и т. д. Непосредственно соприкасаются естествознание и общественные науки, медицина и педагогика, экономические и технические науки» [Ананьев 2001: 4]. В отношении спортивной деятельности подобная методологическая установка актуализируется вследствие того, что субъект-объект этой деятельности является индивидуальностью в медико-биологическом, психологическом и педагогическом отношении. Отличительной особенностью физкультурно-спортивной деятельности является то, что она направлена на изменение самого субъекта деятельности, то есть на его *саморазвитие* в самом широком смысле. В связи с этим большую теоретико-методологическую значимость приобретают понятия «предметно-практической деятельности», «общественного производства» и «сущностных сил человека», первостепенные для марксистской философии и всего блока гуманитарных наук, но незаслуженно вытесненные на периферию современного человекознания. Необходимость обращения к этим понятиям обуславливается и тем, что по мере развития философской рефлексии спорт раскрывается как комплексный феномен, являющийся и формой культуры (наряду с религией, искусством и наукой), и специфической формой социальной жизни, и педагогическим институтом, и масштабными телесными практиками с присущей им рациональностью и социальной символизацией. Далее мы попытаемся осветить теоретические построения различных исследователей, с тем чтобы выделить в них ходы мысли и идеи, по-своему ценные для философской антропологии и позволяющие выстроить концептуальные связи между философией спорта и философской антропологией.

Философию спорта следует рассматривать как закономерно возникающий вид рефлексии одной из форм социальной жизни, и в своем потенциале она способна охватить весь комплекс философских проблем данной сферы, проблем онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических и социально-философских. Разрозненные идеи относительно социально-педагогического, нравственного и эстетического аспектов физического воспитания и телесных практик, ценности спортивного соперничества обнаруживаются в истории философской мысли от Платона до П. Бурдьё.

Но мы обратимся к тому периоду, когда философия физического воспитания и спорта обрела известную концептуальную оформленность и самостоятельность. Философская рефлексия спорта первоначально оформилась на Западе – в США, Канаде и Германии. Справедливости ради надо заметить, что не спорт стал собственным предметом исследования, а *физическое воспитание*. Так, в 30–60-е гг. XX в. появляются разрозненные работы по теме «философия физического воспитания» таких авторов, как Р. Вэйман, Г. Слашер, П. Вайс, Э. Цейглер [Wayman 1938; Slusher 1967; Weiss 1969; Zeigler 1964; 1977]. В данных работах внимание было уделено определению предметной области новой дисциплины, уточнению понятий и анализу перспективных философских подходов при исследовании феноменов, связанных со спортом и физической активностью. Рассматривались вопросы социально-педагогического, методического и гигиенического характера. В то же время спорт и игра, их социально-философский аспект изучаются культурными и социальными антропологами (Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Саттон-Смит). Параллельно формируется *спортивная наука* с довольно широким предметным полем, в котором оказываются физиологические, медицинские, психологические, педагогические и социологические проблемы физического воспитания и спорта.

Следует заметить, что в философии спорта до сих пор обнаруживаются разногласия относительно предмета философского анализа: выступают ли таковым его (спорта) фундаментальные основания в социально-онтологическом отношении или же это метафизический аспект, характеризующий природу человека? Иногда в качестве главного предмета философского анализа выступают специфические телесные практики, формы целесообразного движения, физические качества в их отношении к социально значимым задачам развития и рекреации. С иной точки зрения, поскольку спорт неотделим от действия, производимого целостной личностью на *пределе человеческих возможностей*, полагают, что именно этот специфический *опыт человека* и должен быть предметом философского анализа. В то же время, поскольку суть спорта в *соперничестве*, то именно этот аспект всей спортивной деятельности следует анализировать с этической, эстетической, онтологической и социально-психологической точек зрения. Польские философы З. Крав-

чик и Е. Косевич полагают, «что до сих пор точно не определен объект исследования философии спорта» [Столяров]. Следует обратить внимание и на палитру терминов, используемых для названия данной философской дисциплины: «философия физического воспитания», «философия физической культуры», «философия атлетики», «философия спорта».

В 1978 г. в США вышла монография Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду: природа современного спорта» [Гуттман 2016], в которой автор освещает исторические практики спорта и одновременно проводит анализ и осмысление его предельных оснований – игры, состязания, ритуала, способов оценки. «Для международного сообщества спортивных теоретиков именно эта работа носила рубежный характер, поскольку позволила по-новому взглянуть на фундаментальную проблему структурных отличий современного спорта от телесных практик предыдущих эпох» [Кильдюшов 2016: 166]. Аллен Гуттман выявляет линии пересечения спорта и искусства – культурной практики, также основанной на телесной пластике и мастерстве, но сущностно не связанной с соперничеством и фиксацией результатов. Как показывает Гуттман, генезис спорта связан с религией, культом и ритуалом, при этом конститутивными для спорта стали равенство и символический характер победы. Но также А. Гуттман предлагает интерпретацию современного спорта с позиций теорий К. Маркса и М. Вебера, что вызвало критику. Американский философ определяет семь отличий современного спорта от его прежних форм: 1) секулярность; 2) равенство возможностей и условий; 3) рационализация (всевозрастающая, особенно в модусе внедрения научного подхода к подготовке спортсмена); 4) количественный учет; 5) погоня за рекордами; 6) специализация ролей; 7) бюрократизация [Гуттман 2016: 34–37]. Дело в том, что эти особенности современного спорта присущи всей социальной реальности модерна. Именно они и обеспечивают культурную универсальность спорта.

В это же время зарождается направление социальной критики спорта; его пионерами стали Кристофер Лэш, Гарри Эдвардс, Пол Хоч [Lasch 1978; Edwards 1973; Hoch 1972]. Так, К. Лэш показывает, какие социально-психологические стереотипы американской нации способствовали закреплению спорта в качестве социально-педаго-

гического института. «Вырождение спорта – как утверждает Лэш, – заключается не в слишком серьезном отношении к нему, а в тривиализации» [Лэш 2006: 29], то есть культивировании насилия и зрелищности, что и стало мейнстримом в последние десятилетия.

Под редакцией Уильяма Моргана выпущен ряд сборников, объединивших публикации по самым разным направлениям философского осмысления проблем современного спорта. В сборниках [Morgan, Meier 1988; 1995] представлены 54 статьи – от Ж.-П. Сартра и М. Хоркхаймера до Г. Ленка. «Как пишут составители, в антологии представлен “баланс аналитических, экзистенциалистско-феноменологических и критических научных очерков, отражающих философию спорта во всем ее разнообразии, англо-американских и европейских научных школ”, и она “является соединением работ, выполненных научными авторитетами в данной области философии”» [Столяров]. Вслед за этим У. Морган выпустил сборники уже более проблемно ориентированные [Morgan, Meier 2001; 2007; 2017], в которых обсуждались многочисленные моральные проблемы и противоречия современного спорта. Свое освещение нашли такие темы, как честное соперничество и обман, *fair play*, гендерное равенство, права животных, оценка того насилия, которое проявляется в спорте, и того, насколько оно может угрожать социальному климату, и, наконец, применение допинговых средств (*performance-enhancing drugs* – довольно симптоматичный термин, использованный авторами сборника), чему посвящен целый раздел (“*The Limits of Being Human: The Case of Performance-Enhancing Drugs*”). Реальность спорта позволяет придать вопросу о «пределах человеческого существа» вполне конкретный смысл.

Проблема допинга и вообще технологического вмешательства в спорт по своей сути выглядит как противоречие двух позиций. С одной стороны, человек, атлет *свободно* и *осознанно* ставит перед собой задачи (в виде соревновательных упражнений), решение которых должно задействовать, раскрыть на уровне индивидуального и популяционного максимума *человеческие природные* способности. Но с другой стороны, спортивная деятельность основана на научном подходе, разработке методик и подборе средств, применении «хитрости разума» (Г. В. Ф. Гегель), которые позволят решить эти задачи с максимальной эффективностью, создавать

и расширять «запас прочности» атлета. И такие технологии касаются самых разных сторон подготовки спортсмена: от диеты до индивидуализации спортивного инвентаря. Важно и то, что спорт связан с технологическим развитием общества в целом и разработчики всевозможных технологий заинтересованы в их распространении и получении прибыли. Да и в своем истоке спорт в значительной степени основан на идее *техники* – умении эффективно выполнить действие; спортивное знание – это «знание как» (*know-how*), зачастую неотделимое от субъекта-спортсмена (в отличие от теоретического знания, добываемого исследователями, формализованного и унифицированного). Современный спорт с его идеалами расширения способностей и производительности (*performance enhancement*), рекорда и победы становится плодотворным полем для применения технологий. В философском отношении подобные проблемы приобретают междисциплинарный характер и не являются отвлеченно-теоретическими в силу их непосредственной обращенности к человеку.

Обращение к теме гендерного неравенства в рамках философии спорта связано, по-видимому, с ростом феминистского движения в последние десятилетия. Надо заметить, что подобное неравенство в спорте существует очень давно и выражается в уменьшении величин дистанций, полей для игры, весов спортивных снарядов и даже отсутствии некоторых видов спорта в женской программе. Правда, последний пункт уже потерял свою весомость, так как с течением времени женщинам стали доступны и сугубо «мужские» виды, такие как бокс, борьба, тяжелая атлетика, футбол и хоккей. Данные изменения, хотя и упразднили некоторое неравенство, порождают новые проблемы, связанные с идентичностью женщин (и не только спортсменок). Но помимо указанных чисто спортивных сторон дела затрагиваются и такие аспекты неравенства, как меньшие суммы призовых и меньший интерес СМИ к женским соревнованиям. Однако женское неравенство в спорте имеет не социально-экономические, а вполне *естественные*, природные основания и связано с достоверными физиологическими отличиями женщин от мужчин. В данном случае философы, касающиеся темы неравенства, говорят о равных *возможностях* для женщин, учитывая, что не все они равны между собой и, возможно есть те, кто близок

по своим физиологическим способностям к мужчинам. Речь идет о равных возможностях для демонстрации своих максимальных способностей. К примеру, победительница на дистанции 10 км (в легкоатлетическом беге или лыжных гонках) могла бы раскрыть свои максимальные возможности и показать высокий результат и на дистанции в 15 км, установленной для мужчин. Мы не будем углубляться в данную тему в силу существенной спекулятивности затрагиваемых проблем. Заметим лишь, что в качестве философских оснований для решения указанных проблем, как правило, выступают этические теории Аристотеля и Джона Ролза.

Социологическому исследованию спорта посвящен объемный сборник, выпущенный Д. Кокли и Э. Даннингом [Handbook... 2000]. В первой части представлена палитра концептуальных программ исследования проблем спорта от марксистской теории до постструктурализма; вторая часть посвящена междисциплинарным связям, установление которых актуально для исследования современного спорта. Авторы рассматривают социально-гуманитарные и естественные науки, фокусирующиеся на человеке, – историю, экономику и политику, с одной стороны, антропологию и психологию – с другой. Дело в том, что за последние десятилетия практики массового спорта претерпели значительные изменения, объяснение которых формируется на пересечении экономического и психологического анализа потребительского поведения.

Резюмируем это далеко не полное рассмотрение англо-американского направления философии спорта за ее полувековое развитие. В поле философского анализа попадают вопросы этики, эстетики, аксиологии, социологии культуры, теории деятельности, психологии малых групп; вопросы, располагающиеся на границах разных дисциплин (этики, политики и психологии), к примеру, вопросы неравенства и насилия. При этом доминирующей методологией была аналитическая философия, большое внимание уделялось логическому анализу понятий, анализу спортивной деятельности с позиции формального подхода. Философы англо-американского направления продвинулись на пути разработки метафизики, аксиологии и эпистемологии спорта. В социологических исследованиях спорт рассматривается с позиций социального интеракционизма и кросс-культурной коммуникации. Но все это лишь подступы к

философской антропологии спорта, создание которой требует выработки определенного категориального каркаса и философски ориентированной междисциплинарности.

Теперь необходимо, на наш взгляд, осветить, хотя бы кратко, работы философов европейской школы (польских и немецких), тем более что их подход и тематика, постановка теоретико-методологических проблем имеют немалое отличие от работ заокеанских коллег. Прежде всего стоит отметить философское наследие Ганса Ленка – олимпийского чемпиона 1960 г. в академической гребле, доктора философии, профессора Университета Карлсруэ, специалиста в философии науки и техники. Предлагая свою концепцию философии спорта, Г. Ленк подчеркивает, что она должна поддерживать связь со всеми имеющими отношение к человеку гуманитарными науками и «междисциплинарной спортивной наукой» как эмпирической дисциплиной. Философское осмысление спорта создает основания для построения философской антропологии *достижений* или философской антропологии «человека как творческого достигающего существа». Как полагает Ленк, все прежние, от Платона до Сартра, определения человека односторонни и недостаточны; активный и творческий характер человека выражает его определение как «достигающего существа» (achieving being). Достижение связано с совершенствованием, и спорт предоставляет широкое поле для действий, напряжений, личных поступков. «“Спорт является той сферой деятельности, в которой настоящие личностные действия, в подлинном психофизическом смысле, – это не только возможные, но и идеальные случаи. Спортивное действие и достижение не могут быть переданы, выполнены за кого-то другого, подделаны или получены тайно”» [Столяров]. И действительно, совершенствование и достижение совершенства – это «идеальные случаи», или наивысшие мотивы спортивной деятельности, раскрывающие ее творческую суть. Ленк высказывает, казалось бы, очевидную, но в мире коммерческо-зрелищного, профессионального спорта далеко не всеми осознаваемую истину: «В спорте нельзя обращаться с людьми как с неживым материалом» [Ленк 1979: 115]. Эта максима обращена к тренерам, спортивным функционерам и зрителям. Примечательно, что Г. Ленк в рамках своей культурфилософской концепции спорта обращается к понятию *обще-*

ственности, вменяя ей определенную ответственность за социальную оценку деятельности спортсмена и формирование той публичной сферы, в которой происходит «презентационное действие». Личное достижение – это основа идентичности, это максимальная психофизическая актуализация. Спорт, имея телесную основу, вовлекает в действие человека как целостное существо и позволяет оценить воспитательный потенциал усилия, нацеленного на самосовершенствование.

Философия спорта представляется основанием, подступом к разработке философской антропологии «достигающего существа». Вообще, Ленк рассматривает множество характеристик и определений, выдвинутых в истории антропологической мысли (К. Ясперс, А. Гелен, А. Шюц, Ж.-П. Сартр и др.) и приходит к выводу о необходимости дополнения этих характеристик теми, которые открываются в сфере спорта. В этом случае спорт, так же как и труд, полагают критическое отличие человека от животных. Это не инстинктивное игровое поведение, а *праксис* или *пойезис*. Такое акцентирование спорта основано еще и на том, что помимо явной телесной, психофизической, активной презентации человеческого существа именно спорт, как полагает немецкий философ, способен противостоять культуре праздности, потребления и досуга, приводящего к атрофии способностей. Вся спортивная деятельность в идеале должна быть нацелена на доведение спортсмена «до уровня критического мышления, дискутирования и способности к самостоятельным независимым суждениям» [Ленк 1979: 122]. И это должно стать основой для способности самовыражения *помимо спортивного физического действия* (соревновательного движения, выступления), которое решающим образом презентует личность спортсмена и в известном смысле обедняет ее феноменологию.

Польский философ Йозеф Липец рассматривает философию спорта как закономерно становящееся самосознание такого масштабного социального института, да и вообще сферы культуры, как спорт. С этой точки зрения философия спорта может и должна охватывать проблемы этического, эстетического, эпистемологического, антропологического и социально-философского характера. Но поскольку спорт прежде всего – это совокупность многих антропологических феноменов, специфический опыт человека, то анализ антропологиче-

ских проблем должен занимать главенствующее место. Как полагает Й. Липец, «то, что в философской антропологии наиболее интересно и важно, вполне может быть найдено в анклав спорта, который как бы специально и создан для этих целей» [Столяров].

«Человек спорта» представляет особый интерес для философской антропологии. Эстетические проблемы касаются анализа красоты тела и движения, выяснения того, существует ли в сфере спорта обоснованный эстетический образец того и другого. Усилия эпистемологии спорта, по мнению польского философа, должны быть нацелены на изучение методов познания человека в спорте и *через* спорт, а также на выяснение соотношения субъективных и объективных компонентов в оценках и суждениях. Философская антропология спорта может внести свою лепту в решение философских проблем, ставших краеугольными (к примеру, соотношения души и тела), но все же ее центральной проблемой является проблема соперничества. Если спорт зиждется на врожденной потребности соперничества, борьбы за приоритет и признание, то в таком случае он предстает «как весьма подходящий субститут острой социальной борьбы» [Там же]. Соперничество в спорте, облагороженном олимпийскими идеями, связано с идеями совершенствования и достижения гармонии, имеющими несомненную антропологическую ценность. И в этом оно разительно отличается от того соперничества, которое разворачивается в повседневной экономико-утилитарной сфере, особенно в рамках капиталистического общества. Однако существует угроза спорту в виде его инструментализации, когда имманентные ценности спорта будут преданы в угоду политическим и экономическим целям. Надо заметить, что порой Й. Липец склоняется к позиции идеалистического антропологизма, когда характеризует спорт как сферу «свободной и радостной субъективности».

В СССР теоретическое осмысление спорта инициировалось, так сказать, «изнутри», то есть на кафедрах спортивных вузов, специалистами конкретных дисциплин (физиологии, биомеханики, психологии, педагогики). И такая, как выразился О. Кильдюшов, «герметичность для наблюдателя из внешней среды» затрудняла наполнение этой теории подходами и идеями академической философии, а также ее институционализацию в качестве *философской теории*. В пору формирования «спортивной науки» предметом

анализа становились физиологические, медицинские и педагогические аспекты физического воспитания и спортивной тренировки. Это выглядело как попытки на одной теоретико-методической основе охватить ряд феноменов из разных сфер деятельности, с тем чтобы выявить закономерности или предписать, так сказать, «правила» и «принципы», которым надо следовать при развитии физических качеств, двигательных способностей, достижении спортивной формы и формировании личности спортсмена при очевидном различии этих реалий. Предпринимались попытки философского обобщения разнородных научных знаний с обязательным следованием марксистской теории познания и диалектике. У такой спортивной науки было довольно широкое предметное поле. Это относится к работам А. Д. Новикова, Н. Г. Озолина, Л. П. Матвеева. В центре внимания теории спорта находилась прагматика системы «тело – упражнения – соревнования».

Однако при освещении предмета нашей статьи нельзя обойти вниманием выдающегося российского биолога, анатома, педагога и популяризатора физического воспитания Петра Францевича Лесгафта (1837–1909). Им была создана функциональная анатомия, раскрывающая взаимосвязь формы и функции в развитии организма. На ее основе разработана научная теория физического воспитания, связывающая воедино развитие физическое, умственное и нравственное. П. Ф. Лесгафт много сделал для усовершенствования методологии физического воспитания, исследуя роль логического и наглядного компонентов в овладении физическими упражнениями, овладении собственным телом. Можно с уверенностью сказать, что Лесгафт был представителем философского подхода к развитию человека, разглядев социокультурную ценность его моторного потенциала.

Осмысление философских проблем спорта, проблем гносеологических, аксиологических, эстетических и социально-философских на базе общефилософских концепций началось в конце 70-х гг. XX в. и было сориентировано на постижение спорта как феномена культуры, его гуманистического и социально-педагогического потенциала. Существенным было направление критики буржуазного (как было принято говорить) спорта и, соответственно, его философского осмысления. Следует заметить, что эта критика была небеспочвенна и небесполезна. В число критикуе-

мых, как правило, попадали подходы экзистенциализма, психоанализа и философской антропологии (!) как варианты *идеалистического антропологизма*. Отмечались роль индивидуалистических социально-психологических установок и вытеснение гуманистических ценностей ценностями потребления. Особенностью отечественной философии спорта было рассмотрение проблем с позиции *деятельностного подхода*, в рамках которого деятельность понимается как *процесс развития* субъекта. Утверждалось, что в условиях капиталистического общества спорт предлагает «иллюзии» и в формальном отношении сближается с религией. Определенные общественные идеалы западного общества культивируются в спорте и при его помощи транслируются в разные социальные слои. В свою очередь, и марксистски ориентированные западные философы показывали, насколько занятия спортом связаны с *отчуждением*, с интересами корпораций-гигантов, которые контролируют и направляют социальную активность трудящихся, насколько эти занятия подкрепляют индивидуалистическую ориентацию. С позиции марксистской философии пытались понять, как «конкретные формы общественно-исторической деятельности» влияют на формирование психических процессов, определенного социально-психологического типа личности и возникновение потребностей. Феномен спорта исследовался в связи с постановкой более широкой проблемы *образа жизни* в рамках капиталистического общества.

Традиционным для философии советского и постсоветского периодов было обращение к гуманистическим идеям олимпийского спорта и олимпийского движения. Философия олимпизма, олимпийский идеал – детища барона П. де Кубертена – наполняли олимпийский спорт теми идеями и ценностями, которые сближали его со спортом «социалистическим», тем, который расцветал в СССР и странах соцлагеря. И на первом месте здесь был идеал *гармонично развитой личности*. Парадоксально, но аристократическая гуманистическая позиция П. де Кубертена в своей основе никоим образом не была тождественна пролетарскому эгалитаризму. И тем не менее советское спортивное руководство всячески содействовало развитию олимпийского спорта (с момента вхождения СССР в мировую олимпийскую «семью» в 1951 г.). Олимпизм (как философия жизни) и олимпийский спорт, по замыслу де Кубертена, должны

содействовать гармоничному развитию в противовес спорту профессиональному, превращающему человека в товар, понуждающему его к одностороннему развитию и самоэксплуатации.

Особый интерес для философии спорта и комплексного человекознания представляют идеи и разработки выдающегося советского спортсмена и ученого, ЗМС СССР, доктора педагогических наук, руководителя отдела резервных возможностей человека ВНИИФК, профессора В. В. Кузнецова. Отталкиваясь от своей практики спортсмена мирового класса, В. В. Кузнецов прежде всего предложил пересмотреть саму методологию изучения функциональных возможностей человека. Нужно отталкиваться не от *нормы* как среднестатистического показателя функционирования «среднего» человека в зоне оптимума, а от наивысших проявлений функциональных способностей сверходаренных индивидов – рекордов спортсменов экстра-класса. Поэтому и созданную научную дисциплину В. В. Кузнецов назвал *антропомаксимологией*. Четверть века профессор Кузнецов руководил лабораторией, в стенах которой, наряду с решением задач повышения спортивного мастерства, ставилась задача «вскрывать и другие, более значимые и жизненно необходимые для человечества аспекты спортивной деятельности» [Кузнецов 1979: 45]. Принципиально важно, что в рамках новой науки утверждался системный, а не аналитический подход к исследованию человека в условиях определенной (спортивной) деятельности. При этом предполагалась «конверсия» знаний о закономерностях функционирования организма спортсменов экстра-класса в знание, применимое к большим популяциям, «создание предпосылок для совершенствования человечества как биологического вида» [Мохнов 2006: 19]. Был предложен *антропологический* подход к оценке спортивной деятельности. Речь идет о том, что все существующие и возможные виды спорта раскрывают бесконечное количественное разнообразие «применения» тела человека, режимов его функционирования, видов осознанного, регулируемого движения, связей психического и телесного начал. А на уровне высших, рекордных достижений указанное количественное разнообразие проявляется в зоне предельных возможностей организма. Следует заметить, что в рамках тенденций НТР, развития отечественного человекознания, потребностей общественной практики,

на рубеже 70–80-х гг. прошлого века идеи В. В. Кузнецова стали настолько актуальны, что он был приглашен в Комиссию по комплексному изучению человека при Научном совете по кибернетике АН СССР, а в 1981–1982 гг. принимал участие в научной дискуссии с участием академиков АМН СССР В. Неговского, Ф. Углова, В. Кованова. Как писал профессор Кузнецов, «спортивная деятельность на уровне современных высших спортивных достижений создает идеальные условия для интегративного научного познания человеческих возможностей» [Кузнецов 1979: 46]. В свете современных тенденций этики науки важно, на наш взгляд, отметить, что в качестве одного из принципов разрабатываемой Кузнецовым науки *антропомаксимологии* он выдвигал «гуманность целевых установок исследуемых проблем», которая определялась марксистским диалектико-материалистическим пониманием развития общества и человека.

Марксистский понятийный аппарат и методология исследования получили плодотворное применение в современных условиях в работе В. А. Пономарчука и В. С. Козловой [Пономарчук, Козлова 2002]. Авторы выдвигают ряд новых проблем и идей. Во-первых, это касается трактовки генезиса и сущности античного спорта (в то время это был единственно «олимпийский спорт»). Спорт, игры и мистерии в Античности функционировали как *институт передачи традиции и воспитания гражданина*. Спортивное состязание раскрывалось в первую очередь как коллективное действие, не предполагавшее присутствия современных сторон этого действия – спортсмена и зрителя, «производителя и потребителя». «У игр же и праздничных действий древней Эллады *аудитории не было и не могло быть*, ибо каждый ... был непосредственно причастен к сакральности этого действия» [Там же: 92]. Организующие социальную реальность греческого мира мифологемы были представлены в агонистике, и такие «зрелищные формы общения есть введение индивида в социум» [Там же: 79]. Во-вторых, В. А. Пономарчук предлагает рассматривать современный спорт в рамках отношения «производство – потребление». Это «производство, которое “производит победителя”» [Там же: 24], имидж и социальный капитал, но самое главное – зрелище, которое и становится непосредственным предметом потребления для противоположной стороны – зрителя. В капиталистическом обществе главенствующей моделью спорта

становится зрелищно-коммерческий спорт, в рамках которого реализуется «противостояние индивидов друг другу в качестве товаро-владельцев» [Пономарчук, Козлова 2002: 9]. Как показывает автор, античный спорт – совершенно иной *социальный институт*, чем спорт нынешний, и поэтому некорректно и иллюзорно апеллировать к его (античному) культурному, эмоциональному и педагогическому аспектам, пытаться сделать их регулятивами этой современной общественной практики, реализующейся в условиях совершенно иного социально-экономического уклада. Данный тезис, кстати, выступает основанием для критики концепции В. И. Столярова.

Не умаляя роли многих отечественных исследователей, необходимо отметить решающий вклад в формирование философии спорта в нашей стране работ доктора философских наук, профессора, более сорока лет отдавшего служению науке в стенах ГЦОЛИФК (РГУФКСМиТ), основателя гуманистического проекта «СпАрт» и руководителя Гуманитарного центра «СпАрт» В. И. Столярова. Собственную исследовательскую установку профессор Столяров сформулировал как гуманистический и диалектический анализ спорта, чему посвящено множество статей и монографий философа. Надо заметить, что благодаря работам В. И. Столярова отечественные исследователи смогли познакомиться с большим пластом работ своих западных коллег, уже сформировавших определенные подходы к философскому осмыслению спорта. Собственную задачу В. И. Столяров видел в том, чтобы предложить «целостный, систематический анализ спорта и телесности человека на основе формирования философии спорта и телесности как отдельной самостоятельной дисциплины» [Столяров]. В рамках построения такой философской теории решающее значение имели анализ и разработка понятий, корректное и четкое разграничение объектов философской рефлексии, выделение различных философских проблем спорта, которые и определяли бы направленность философского подхода. Проводя анализ объектов философского исследования, В. И. Столяров показал, что основными объектами (и понятиями) должны выступать *спорт* (и соревнования как специфическая деятельность), *физкультурная деятельность* (и упражнения как целесообразные движения) и *тело* (как феномен культуры). Таким образом, становится очевидным различие предметных областей и

присущих им проблем. Соответственно дифференцируются «философия спорта», «философия физического воспитания», «философия телесности», «философия олимпизма». И, как показывает В. И. Столяров, философия спорта – это философия *гуманного соперничества*, это ее основное проблемное поле! При этом ставится задача оценить роль *концепции гуманизма* в становлении различных моделей спорта (олимпийского, профессионального, спорта высших достижений) и его современной практики. Да и вообще, учитывая диалектический характер спорта, способен ли он воплощать гуманистические идеалы, может ли содействовать гуманизации соперничества в современном мире? По замыслу П. де Кубертена, спорт, несущий в себе дух честной борьбы, отваги и благородства, воплощающий демократические принципы публичности, справедливости и взаимоуважения, должен был стать средством образования и воспитания нового человека. Однако все увеличивающееся влияние политики и экономики, приспособление спорта к требованиям потребительской культуры препятствуют реализации гуманистических интенций, лишают спорт его социокультурной самоценности.

По мысли Столярова, аспект гуманистического анализа спорта становится ключевым для разработки социальной философии и философской антропологии спорта. Разносторонний анализ концепции гуманизма представлен в монографии В. И. Столярова и А. А. Передельского «Философия спорта. Современные проблемы наук о физической культуре и спорте». Рассматривая, с одной стороны, ценности гуманизма и, с другой, – современную практику спорта, авторы ставят фундаментальный вопрос: способен ли спорт воплощать гуманистические идеалы и соответствующим образом воздействовать на личность? При этом авторы переосмысливают вклад различных типов гуманизма – античного, ренессансного, просветительского – в формирование мировоззренческой базы современного спорта. В теоретико-методологическом плане авторы обращают внимание на категориальный аппарат диалектики, эвристически ценный при изучении явлений, связанных со спортом.

Итак, философское осмысление спорта фиксировало его главные особенности, а именно: во-первых, это форма социальной жизни, которая испытывает значительное влияние факторов политических, экономических и социальной символизации. Во-вторых,

спорт оформился как педагогический институт (собственно, это в свое время и привлекло внимание П. де Кубертена). В-третьих, спорт – это *масштабные телесные практики* субъективации, самопрезентации, символизации и преобразования. Возможно, что последний аспект следует рассматривать как доминирующий, учитывая «телесный» характер культуры позднего модерна, или пост-модерна, «медиализацию» культуры и формирование «управляемых тел» (М. Фуко), «соматизацию социального» (П. Бурдьё). Данный тезис вряд ли требует здесь доказательств. Об этом написано достаточное количество работ как академического, так и прикладного характера [Михель 2000; Никитин 2006; Эпштейн 2006; Тульчинский 2006; Олескин 2007; Труфанова 2010; Featherstone 1991]. Отчасти таким доказательством служит выход на авансцену современной философии биоэтики, в поле которой формируется новый философско-антропологический дискурс и в свете «телесных» коллизий ставится проблема идентичности. Рассечение тотальности человеческого существа на душу и тело обусловлено как развитием естественных наук, изучающих человека, так и глобальными культурными течениями. Несомненно, что в домене спорта телесные проявления диалектическим образом свидетельствуют о чем-то *внутреннем*, о напряжении волевых, интеллектуальных и моральных сторон личности. Но акцентируя телесный аспект, мы исходим из культурной мутации современного спорта – его тривиализации и утраты педагогической самооценности. В различных современных модификациях спорта интеллектуальная и духовно-нравственная стороны дискриминируются в угоду яркому телесному перформансу. А если и идет речь о проявлении чего-то *внутреннего*, духовного, то это агрессивность, жесткость характера и жестокость конкуренции капиталистического общества, претворенная в спортивном соревновании.

В XXI в. философия спорта сталкивается с новыми проблемами, появление которых обусловлено как умножением специальных дисциплин, так и все более глубоким проникновением в мир человека техники, кибернетических устройств, методов моделирования и конструирования деятельности и самого субъекта деятельности. Становится все очевиднее, что решение этих проблем, прогнозирование направлений развития и «диагностика» рисков требу-

ют оформления методологически выверенной *междисциплинарной спортивной науки*. Философский компонент такой междисциплинарной науки может быть представлен биоэтикой, для которой в теоретическом плане «телесность» является настолько же конститутивной, насколько для спорта – в практическом. Помимо этого, как в биоэтике, так и в спорте человек присутствует в двух измерениях – субъекта и объекта. «Объектный» статус человека в спорте сегодня модифицируется, и атлет становится не только теоретической, экспериментально-исследовательской моделью, но конструируется в телесном, технико-технологическом смысле. Собственно говоря, технологизация спорта стала основной тенденцией минувшего столетия. Рост рекордов достигнут насколько за счет естественных, настолько и за счет искусственных компонентов спортивных движений*.

Манипулятивно-конструктивистская идеология технической культуры влияет на появление новых видов спорта и технологизацию телесного аспекта спортивного действия. Проблематизация технологий в спорте, «технологий улучшения способностей» стала передним краем философских исследований за последние полтора десятилетия, но главным образом за рубежом. В этом обнаруживается отставание отечественной философии спорта, все еще акцентирующей свое внимание на социологических исследованиях. В домене спорта явным образом может быть обнаружена связь исторических стилей мышления и практического отношения к человеку как противопоставление гуманизма и технократизма. Речь идет о тематике пределов человеческой природы в контексте биотехнологий, о спорте как «лаборатории» исследования возможностей человеческого организма, на которые ориентируются технологии «улучшения человека». Что производят технологии в спорте и являются ли они при этом благом? Такие вопросы ставят в своих исследованиях Джон Хоберман [2009], Сигмунд Лоланд и Майк Макнами. В теоретико-методологическом плане обращение к этим проблемам сопровождается антропологизацией философского дис-

* Красноречивым свидетельством тому выступают впечатляющие достижения в легкой атлетике (спринтерский бег, прыжки с шестом, метание диска и молота), тяжелой атлетике, лыжных гонках, конькобежном спорте, где динамические характеристики движения были существенно увеличены искусственным путем.

курса с обращением к феноменологической философии и социологии, философии науки и, отчасти, биоэтике. К примеру, этому кругу проблем посвящена книга Энди Миа «Генетически модифицированные атлеты: биомедицинская этика, генетический допинг и спорт» (2004) и сборник статей под заглавием «Генетические технологии и спорт: этические вопросы» (2005) под редакцией Клаудио Тамбуррини и Турбьерна Тансьё.

Как было сказано выше, первым и неустраняемым образом спорт – это сугубо *телесный* модус существования, как в повседневной тренировочной практике, так и в соревновании. Соревнование – это ситуация объективного противоборства с «другими», на феноменологическом уровне представленными *телами*. Если обозреть всю спортивную практику, мы обнаружим, что это – вид взаимодействия тел живых и неживых (спортивные снаряды не менее конститутивны для спорта, чем правила и оценки). Причем это взаимодействие разворачивается двояко: и как противоборство, и как кооперация, что с телами живыми, что с телами неживыми (к примеру, все снаряды в спортивной гимнастике, шест в прыжках, велосипед в гонках на шоссе и треке, лыжи и др.). Противостояние личностям привычно для человека и имеет определенную психоэмоциональную окраску. «Противостояние» (или «кооперация») телам неживым требует обучения технике, которая основана на научном познании и сродни технике преобразующего трудового действия. К тому же технике работы со снарядами совершенно чужд этический аспект, которого невозможно избежать при разработке и реализации техники работы с живыми телами – *приемов*. И здесь может быть поставлен вопрос: по какой модели мыслить тело свое-живое и чужое-неживое, если учесть, что тела живые теперь доступны конструированию и приобретают конституцию искусственно-технической системы, в то время как тела неживые, используемые в спорте, конструируют на основе кинезиологии и биомеханики, пытаясь сымитировать неуловимые преимущества живой ткани. Этот тип моделирования обращен собственно к телесному, системно-структурному аспекту человека спорта. В современный спорт все больше проникают информационные технологии, компьютеризированные системы контроля, нейротехнологии управления. Все это в немалой степени способствует формированию самовосприятия человека спорта как «тела-машины».

В отношении практик подобного конструирования в спорте, которое может рассматриваться как один из видов «технологий улучшения человека» (*human enhancement technologies; performance-enhancing technologies*), уже ставятся вопросы философско-этического характера. Однако спорт как комплексный феномен, приобретающий все возрастающее социокультурное значение, способен генерировать и предлагать новые смыслы *телесно-центрированной субъективности*. На его основе могут быть созданы различные социально-антропологические модели, зачастую игнорирующие имманентные ценности спорта, которые требуют своего философского осмысления.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001.
- Гуттман А. От ритуала к рекорду: природа современного спорта. М., 2016.
- Кильдюшов О. Классика социальной теории спорта по-русски // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 1. С. 164–170.
- Кузнецов В. В. Спорт – основной фактор научного познания резервных возможностей человека // Теория и практика физической культуры. 1979. № 3. С. 45–48.
- Ленк Х. Отчуждение и манипуляция личностью спортсмена // Спорт и образ жизни: сб. ст. М., 1979. С. 112–125.
- Лэш К. Вырождение спорта // Логос. 2006. № 3(54). С. 23–40.
- Михель Д. В. Воплощенный человек. Западная культура, медицинский контроль и тело. Саратов, 2000.
- Мохнов В. Л. Основы антропомаксимологии. Белгород : Изд-во БелГУ, 2006.
- Пономарчук В. А., Козлова В. С. Институт спорта. История и реалии. Минск, 2002.
- Никитин В. Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. М., 2006.
- Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии. М., 2007.
- Столяров В. И. Философия спорта и телесности человека. Кн. I. Введение в мир философии спорта и телесности человека [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/126871/readpart-filosofiya-sporta-i-telesnosti-cheloveka-kniga-i-vvedenie-v-mir-filosofii-sporta-i-telesnosti-cheloveka>.

- Труфанова Е. О. Единство и множественность Я. М., 2010.
- Тульчинский Г. Л. Тело свободы. СПб. : Алетейя, 2006.
- Хоберман Дж. 50 лет применения допинга и фармакологизация повседневной жизни // Логос. 2009. № 6(73). С. 134–146.
- Эпштейн М. Н. Философия тела. СПб. : Алетейя, 2006.
- Edwards H. *The Sociology of Sport*. Berkeley : University of California, 1973.
- Featherstone M. *Consumer Culture and Postmodernism*. Los Angeles : SAGE Publications, 1991.
- Handbook of Sports Studies* / ed. by J. Coakley, E. Dunning. London, 2000.
- Hoch P. *Rip off the Big Game*. New York : Anchor Books, 1972.
- Lasch C. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York : W. W. Norton, 1978.
- Philosophic Inquiry in Sport* / ed. by W. J. Morgan, K. Meier. Champaign, IL : Human Kinetics, 1988.
- Philosophic Inquiry in Sport* / ed. by W. J. Morgan, K. Meier. 2nd ed. Champaign, IL : Human Kinetics, 1995.
- Ethics in Sport* / ed. by W. J. Morgan, K. V. Meier. Champaign, IL : Human Kinetics, 2001.
- Ethics in Sport* / ed. by W. J. Morgan, K. V. Meier. Champaign, IL : Human Kinetics, 2007.
- Ethics in Sport* / ed. by W. J. Morgan, K. V. Meier. Champaign, IL : Human Kinetics, 2017.
- Slusher H. *Man, Sport and Existence*. Philadelphia : Lea & Febiger, 1967.
- Wayman A. R. *A Modern Philosophy of Physical Education*. London : W. B. Saunders, 1938.
- Weiss P. *Sport: a Philosophical Inquiry*. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1969.
- Zeigler E. *Philosophical Foundations for Physical, Health, and Recreation Education*. New Jersey : Prentice-Hall, Inc., 1964.
- Zeigler E. *Physical Education and Sport Philosophy*. Jersey City : Prentice-Hall, 1977.